

УДК 316.7

Мультикультурализм в Германии и его перспективы на успех через культурную модель поведения

Фидарова Фатима Казантемировна

Кандидат культурологии,
доцент кафедры немецкого языка и культуры,
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
119991, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы, 1;
e-mail: fidarova@inbox.ru

Аннотация

Статья посвящена определению идеалов культурной модели поведения для культурной интеграции иммигрантов Германии в немецкое общество. Попытка построить мультикультурное общество в Германии, в котором представители различных культур должны были жить в полном согласии, окончательно провалилась. Однако интеграция иностранцев остается одной из главных политических задач будущего Германии. Культурная модель поведения на пути культурной интеграции иммигрантов должна содержать именно те высокие требования к личности, которые немцы предъявляют себе: „подобающее“ и „пристойное“ (нравственное). «Позволено лишь то, что подобает». Приобщить иммигрантов к культурной модели поведения немцев можно только через образование и воспитание. Однако успех культурной интеграции заключается в том, в какой степени иммигрант готов отказаться от своей культурной идентичности и влиться в новое для себя измерение – немецкое культурное пространство. Кроме того, препятствием для объединения различных культур в Германии стало „новое великое переселение народов“ (нем. Völkerwanderung). Огромный поток беженцев с Востока с августа 2015 г. настойчиво выдвигает культурологический вопрос о количестве интегрируемых в немецкое культурное и политическое пространство.

Для цитирования в научных исследованиях

Фидарова Ф.К. Мультикультурализм в Германии и его перспективы на успех через культурную модель поведения // Культура и цивилизация. 2017. Том 7. № 6А. С. 319-328.

Ключевые слова

Мультикультурализм, культурная модель поведения, социальное пространство, культурная интеграция, самоликвидация, семья.

Введение

Понятие «мультикультурализм» в Германии стало ключевым и проблемным, поскольку возникла новая ситуация – неиссякаемый поток беженцев с Востока. Стремление построить в Германии многообразное в культурном отношении (multikulturell) общество провалилось. Канцлер Ангела Меркель в начале 2015 года на съезде молодежной организации Христианско-демократического союза (ХДС) в Потсдаме заявила: «Попытки построить мультикультурное общество в Германии, в котором представители различных культур будут жить в полном согласии, окончательно и бесповоротно провалились. Интеграция иностранцев является одной из главных политических задач ближайшего будущего. Мигрантам следует не только оказывать поддержку, но и предъявлять к ним требования, чему в последнее время уделяли слишком мало внимания. И то, что мы можем сказать, что мы страна, в которой люди могут использовать свой шанс, должен быть нашим фирменным знаком».

Однако август того же 2015 года выдвинул новый вызов: огромный поток беженцев с Востока, который политологи и культурологи окрестили понятием „новое великое переселение народов“ (нем. Völkerwanderung).

Таким образом, у нас, согласно выводам канцлера Германии, четко обозначается первый вопрос в процессе культурной интеграции иммигрантов: мигрантам следует *предъявлять требования*.

Политики Германии также выражают обеспокоенность судьбой своей страны. Германский политик Тило Саррацин в своей книге «Германия: самоликвидация» (Thilo Sarrazin, «Deutschland schafft sich ab», 2010) пытается систематизировать мысли о культурном и политическом будущем немецкого общества. Саррацин в своем анализе приходит к неутешительным выводам: «Германия самоликвидируется», поскольку число рождений постоянно падает. Причину того, что немцы как бы самоликвидируются, Саррацин усматривает в ложных табу политкорректности: «О причинах падения рождаемости целые десятилетия нельзя было даже заикаться, чтобы не попасть под подозрение в националистической идеологии» [Саррацин, 2010, 11].

Разумеется, Саррацин заглядывает в будущее через политический дискурс и касательно культурной интеграции мигрантов предлагает решение: «Потенциал, заложенный в генах, и влияние окружающей среды сложно взаимодействуют между собой. Мы не можем изменить гены, но общественную среду мы обязаны сформировать политически как можно лучше» [Саррацин, 2010, 7-8].

Саррацин глубоко переживает за искусственное искоренение в немецком обществе понятия патриот. На взгляд Саррацина, тревожиться за Германию как страну немцев уже считается почти неполиткорректным, и немец считает себя немцем «разве что во время мирового первенства по футболу, а так – нет уж!» [Саррацин, 2010, 23]. Патриоты „Культурного движения Германии“ XVIII века, для которых понятия *отечество*, *немец* и *немецкий язык* стали культурными символами мирного политического объединения своего отечества, едва ли могли представить такую участь для своей страны. Оды Клопштока, посвященные *немецкому языку*, *отечеству*, «своим смелым полетом, своим патриотическим настроением, глубиной и пылкостью чувства служат доказательством и для будущих поколений» [Шерр, 1879, 203].

Как следует сформировать общественную среду в Германии, чтобы мигранты влились в немецкое общество? Попробуем обозначить некоторый путь, охватывающий культурологическое понимание культурно-политической ситуации, который позволит нам внести ясность в немецкую дискуссию о притоке иммигрантов с Востока (и беженцев с августа 2015 г.).

Основная часть

Главным вопросом в этой полемике остается проблема культурной интеграции указанной группы. Саррацин указывает, что мигранты из Восточной и Южной Европы хорошо интегрируются, если решают остаться в Германии. Таким образом, мы будем говорить о мигрантах с Востока.

В своем исследовании мы попытаемся найти ответы на два главных обозначенных выше вопроса, какие требования следует предъявлять мигрантам, и как общественную среду сформировать политически как можно лучше, чтобы решить проблему культурной интеграции мигрантов?

Любой человек уже существует в рамках определенной культуры и обладает культурной моделью поведения. Культурная модель поведения и индивидуальность получают новое измерение, когда личность вступает в процесс культурной интеграции. Социальные и культурные системы государства должны предоставить новую культурную модель поведения, которая содержит в себе определенное количество идеалов и конкретных знаний.

Однако из виду упускается важнейший культурологический механизм: в таком процессе интеграции в иную культуру успеха добивается тот индивид, который страстно его желает. Страстное желание пробуждает любовь личности к иной культуре, людям и желание созидать и приумножать существующую культуру.

Задачи и тенденции культурной модели поведения в процессе цивилизации в философии культуры изложены Норбертом Элиасом. Согласно Элиасу, ощущение страха, как и ощущение наслаждения, являются неизменным атрибутом человеческой природы, однако сила страхов в большей степени зависит от исторических факторов и структуры отношений с другими людьми. «Они определяются социальной структурой и меняются вместе с ней» [Элиас, 2001, 322].

Указывая на важность процесса воспитания индивида, Элиас признает: «Наши кодексы, наши предписания настолько же противоречивы и полны диспропорций, как наши формы сосуществования, как строение нашего общества» [там же, 323].

Ярким примером для определения идеалов культурной модели поведения общества является драма Гете «Торквато Тассо». Гете сопоставляет две модели поведения: светскую модель и идеал культурной нормы (принцесса) и модель поведения без четкой культурной модели общества (Тассо).

Принцесса следует четкой культурной модели светского общества: «*Позволено лишь то, что подобает*», однако и ей нелегко отказаться от культурной модели „золотого века“, который утрачен на земле, а он культурно и духовно так близок и понятен Тассо. Привлекательность и духовную тягу к культурной модели „золотого века“ принцесса раскрывает до Тассо:

Идя таким путем, мы никогда
Людей не встретим, Тассо! Этот путь
Уводит нас сквозь заросли кустов
В спокойные и тихие долины,
И все растет стремление в душе
Век золотой, что на земле утрачен,
Восстановить хотя б в глубинах сердец,
Хотя попытка эта и бесплодна [Гете, 1977, 237].

Сомнения принцессы означают отказ от прошлой культурной модели, однако Тассо в короткой формулировке „*все позволено, что мило*“ указывает нам на прочную связь с культурной нормой старого „*золотого века*“:

О, что ты говоришь, моя княжна!
О, век золотой! Куда он улетел?
О нем вотще тоскуют все сердца!
Тогда свободно люди на земле,
Как их стада, утехам предавались,
И дерево старинное над лугом
Давало тень пастушке с пастушком,
Младой кустарник гибкими ветвями
Любовников уютно обвивал,
И ясный ключ в своем песчаном лоне
Шальную нимфу нежно обнимал.
И в зелени испуганно терялась
Безвредная змея, и дерзкий фавн
Пред мужественным юношей бежал.
Тогда все птицы в воздухе свободном
И каждый зверь в угодьях и горах
Вещали: все позволено, что мило [Гете, 1977, 237].

Принцесса настойчиво призывает Тассо следовать новой культурной модели с нравственным принципом „*позволено лишь то, что подобает*“:

Но век златой давно прошел, мой друг:
Лишь добрым возвратить его дано,
И я тебе мои открою мысли:
Тот век златой, которым нас поэты
Прельщают, так же мало был златым,
Как этот век, в котором мы живем,
А если был он вправду, то для нас
Он и теперь восстановиться может.
И ныне встреча родственных сердец
Дает вкусить блаженство тех времен,
Но изменить должны мы твой девиз:
«Позволено лишь то, что подобает» [Гете, 1977, 237-238].

Однако Тассо нелегко понять нравственный вызов и требование культурного времени и определить, что „*позволено, подобает и пристойно*“:

О, если бы благородными людьми
Произносился общий суд о том,
Что подобает! Но считают все
Пристойным то, что выгодно для них,

Мы видим, что для сильных и для умных
Нет непопулярного в этом мире [Гете, 1977, 238].

Из приведенной цитаты следует, что речь идет о высшем, привилегированном обществе, для которого, следовательно, существует своя культурная модель поведения. Разумеется, Тассо прямо указывает на то, как трудно определить границу подобающего в социальном пространстве.

Однако принцесса указывает на социальную ступень, которая раскрывает содержание подобающего, т. е. идеального и нравственного поведения в рамках культурной модели поведения:

Коль хочешь знать о том, что подобает,
То спрашивай у благородных женщин:
Им в высшей мере свойственна забота,
Чтоб все дела пристойно шли кругом,
Приличие стеною окружает
Чувствительный и нежный пол, и где
Царит мораль, там царствуют они.
Где правит дерзость, там они ничто,
И здесь различье двух полов: мужчина
Свободы ищет, женщина – добра [там же].

Личность, чтобы не выходить за рамки культурной модели поведения, должна себя постоянно контролировать и таким образом пребывать на своей социальной ступени. Однако Гете указывает на то, как трудно личности подчинять свои поступки культурной норме. Антонио в «Тассо» предостерегает нас, к чему может привести потеря контроля над своими действиями:

Здесь и лежит опасность, милый друг!
Среди чужих мы напрягаем силы,
Внимательны к себе, чтоб нашу цель
Осуществить чрез их расположение.
Но мы распущены в кругу друзей,
Мы отдыхаем в их любви, себе
Причуды позволяем, наша страсть
Несдержанна, и оскорбляем мы
Невольню тех, кого всех больше любим [Гете, 1977, 269].

Культурной нормой можно обладать, однако следовать ей нелегко. Тассо восклицает, как трудно следовать требованиям культурной модели поведения:

Ведь справедливым быть
Во всех вещах – безумно, это значит
Разрушить самого себя! Всегда ли
К нам справедливы люди? Нет, о нет!

Ведь человек нуждается при жизни
В двух чувствах: ненависти и в любви [там же, 279].

Тассо не скрывает, а раскрывает слабости личности, однако он четко понимает зарождающуюся бюргерскую культуру XVIII века, в которой понятие „благородство“ становится ключевым нравственным ориентиром для третьего сословия. Антонио открыто обвиняет Тассо в безнравственности его поступков, однако тот находит достойное возражение:

То, что ты наглостью зовешь, милей,
Чем то, что я зову неблагородным [там же, 247].

Итак, Гете указывает нам на важнейшее требование к личности *„позволено лишь то, что подобает“*: Этот убедительный, современный и вызывающий к постижению призыв может стать основой новой культурной модели поведения и мигрантов, поскольку позволено и подобает личности только то, что соответствует культурной и социальной модели общества, в которую она хочет влиться.

Таким образом, мы видим, что культурная норма является критерием поведения личности. Если мы недостаточно хорошо владеем существующей культурной нормой, то у нас есть возможность развиваться. Однако личность не должна забывать о власти, и Антонио напоминает нам, что именно власть дает человеку защиту и личную свободу:

Нет зрелища прекрасней на земле,
Чем правящий разумно государь,
Чем край, где каждый – с гордостью послушен,
Где каждый мнит, что служит сам себе,
Где велено лишь то, что справедливо [там же, 226].

Эти высокие требования к личности (к немцу) ведут к культурному созиданию и политической защищенности человека.

Однако с мигрантами возникает важнейший культурологический вопрос: какое количество людей с другой культурной нормой может интегрировать государство, сохранив при этом культурную идентичность своих граждан и избавить их от страха потерять свою национальную идентичность?

Но так ли необходимо мигрантам сливаться с другой культурой, отказываться от своей культурной идентичности?

Великий Гете проблему мультикультурного смешения очень тонко затрагивает, когда говорит о прекрасном вкусе мелкой бранденбургской свеклы с каштанами, а «эти два благородных фрукта растут так далеко друг от друга». (*Lasst uns doch vielseitig sein! Märkische Rübchen schmecken gut am besten gemischt mit Kastanien, und diese beiden edlen Früchte wachsen weit auseinander*) [Maximen: 176].

Выражение Гете „далеко друг от друга“ имеет очень глубокий смысл для решения проблемы мультикультурности, оно может избавить немцев от страха культурного столкновения и социального противостояния с мигрантами.

Чтобы мультикультурность стала данностью, личности необходимо сохранять мирное пространство, удалить из него все то, что мешает творить в рамках культурного пространства и

не увидеть «Как в царство добрых нравов ворвались безумие и ярость» [Гете, 1977, 136].

Чтобы глубже понять современные опасности немецкого общества в противостоянии с беженцами, необходимо вспомнить стремление Карла Великого обратить германские племена в христианство. Обращение в христианство было необходимо, оно означало объединение германцев (народов), поскольку «извне, со стороны воинственного магометанства, стала грозить опасность» [Scherr, 1858, 56]. Однако эта внешняя опасность сильно содействовала тогда внутреннему укреплению христианского мира. Карл Великий остановил развитие этой опасности, одержав блестящую победу во главе христиан при Пуатье (732) над арабами [Ibid].

Исламизация угрожает сегодня подорвать христианские ценности немецкого и европейского общества, которые достались ему и через силу меча.

Саррацин указывает на две угрозы для существования Германии: снижение ценности семьи и отсутствие патриотизма в немецком обществе.

Однако в 2014 году в Германии появилось патриотическое движение Pegida, выступающее против исламизации, которое уже имеет огромное количество региональных организаций. Можно утверждать, что у немецкого патриотизма появилась судьбоносная задача, которая должна сплотить немцев и устранить дальнейшее развитие опасности, как когда-то Карл Великий.

Следует подчеркнуть, что у Pegida задача тоже нелегкая, поскольку беженцы (мусульмане) нужны стране, где резко снизилась рождаемость. Но и приток миллионов беженцев таит в себе опасность разрушить единый христианский мир.

Таким образом, Карл Великий и предвидеть не мог, что немецкая семья утратит любовь к детям, резко сократится молодое население, и потомки германских племен будут вынуждены искать трудовую опору у мусульман. А ведь когда-то германский отец гордился своим большим семейством.

Семья как основная ценность общества и государства именно немцами в XIX веке была возвращена на свое достойное место, когда индустриализация стала вытеснять это понятие из лексикона немцев, предлагая общественные увеселительные центры. Лучшие умы Германии того времени призывали к эмансипации „домашней“ женщины. В самой «литературе ничто так не игнорировалось как семья и ее интересы» [Riehl, 1855, 197]. Понятие „общительность“ все больше вытесняла понятие „домашний уют“ [Steinhausen, 1929, 61]. А некоторые прогрессивно настроенные круги немецкого общества даже избегали употреблять слово „семья“, заменяя его описательной формой „домашнее общество“ [Kirschstein, 1937, 49]. Согласно Фрайбе, важнейшими понятиями становятся кофейни (Kaffeehäuser), эстетический чай (ästhetische Tees) и все то, что связано с общением [Freube, 1910, 5].

Развлекательные журналы для семейного чтения в Германии поняли опасность такой тенденции, они вернули слову „семья“ уважение благодаря своим романам, рассказам и статьям по культуре. Этот вид журнала стремился к тому, чтобы «осознанно содействовать гармоничной жизни семьи во всех отношениях» [Kirschstein, 1937, 129].

Ценность семьи сегодня стала тем краеугольным камнем, который может изменить социальное и культурное противостояние между мигрантами и немцами.

Разумеется, целое поколение немцев гордится тем, что олицетворяет собой самодостаточную личность. Однако после августа 2015 года наступил новый период в культурной защищенности немецкого общества. Волна беженцев, хлынувшая в Германию с Востока, нарушила социальное и культурное равновесие немецкого общества, вселила в него страх.

«Одним из важнейших факторов, вызывающих изменение структуры человеческих отношений и соответствующих им институтов, является увеличение или уменьшение населения. Его нельзя изолировать от всей динамики человеческих отношений» [Элиас, 2001, 36]. Продолжая эту мысль, Элиас замечает, что «благодаря ему особо отчетливо проявляется принудительность воздействия социальных сил» [там же].

Этот вывод Элиас сделал, когда он анализировал последствия великого переселения народов.

Для понимания нашей постановки вопроса важно, насколько эмигранты готовы к „социальному принуждению“, поскольку они прибывают на территорию с единой культурой. У немцев есть хороший опыт. Когда-то германские племена хлынули на огромную часть римской территории, ставшей к тому времени единой страной культуры. Германцы начали защищать свою новую завоеванную страну от новых потоков переселенцев, потом от арабов и славянских племен [там же].

Однако германцы развивали и приумножали христианскую культуру, четко обозначив культурно-политическую границу германского мира.

Таким образом, мы видим четкие и зримые опасения в новом понятии 2015 года „великое переселение народов“: оно содержит для немцев страх разрушения германского мира с христианской культурой, ради которого лучшие сыны отечества (Германии) погибали в войнах (достойных для германцев). Это чувство культурной и социальной опасности у немцев нельзя искоренить положениями о культурной интеграции мигрантов. По сути, мы имеем дело с совершенно новым явлением, от решения которого зависит будущее цивилизационного процесса Германии и всей Европы.

Важным аспектом в процессе интеграции мигрантов является также «сохранение культурной памяти» как напоминание о родных «истоках культуры» [Загрякина, 2014, 61]. Культурное пространство нации «является пространством предметов, памятников, речей, представлений о языке» [там же, 62]. Однако в нашем случае речь идет о разных культурах, которые угрожают вытеснить исконно германскую культуру и традиции. Рождественская елка на рыночной площади как символ единения в пределах христианской и европейской культуры стала первой „жертвой“ этого вытеснения.

Как общественную среду сформировать политически как можно лучше? Для этого необходимо, «чтобы всеми признанное стремление к лучшему и высшему пронизывало и воодушевляло все общество» [Хейзинга, 2010, 342]. Согласно Хейзинге, государство «придает форму той культуре, которая нам нужна» и дает нам «концентрацию сил для достижения цели, моральную опору, которая облагораживает всю нашу жизнь» [там же, 343].

Здесь следует выделить, что речь идет об общественно-значимой цели и эта «цель может быть ориентированной на решение определенных социально значимых задач» [Милославский, 2017, 9-10].

Саррацин в культурологическом плане предвидит для Германии, а значит, и для Европы почти эсхатологическую эпоху, иначе эпоху конца света для своей страны, поскольку она не справилась с новой политической и культурной трансформацией вследствие огромного числа мигрантов.

Мы наблюдаем столкновение этнокультурных ценностей в кризисный момент истории страны, которое круто может поменять судьбу социума. Однако императив культурной и аксиологической преемственности, имеющая в Германии прочную основу, дает надежду, что государство, общество и личность будут следовать культурной модели, ведущей к

незыблемости утверждения: здесь Германия и германский дух! В культурологическом осмыслении это звучит актуально, ибо содержит в себе вечный зов культурного и политического единения нации: Там русский дух... там Русью пахнет! [Пушкин, 1985, 654].

Заключение

Ценностное и художественное осмысление проанализированных работ указывает на их значимость для современного кризисного немецкого общества. Великий Гете указывает нам на важнейшее требование к личности, которая неукоснительно придерживается культурной модели: творить только то, что подобает в рамках существующей культуры. Этот убедительный современный и взывающий к постижению призыв может стать основой новой культурной модели поведения тех мигрантов, которые готовы жить и творить в культурном и политическом пространстве с немцами во имя процветания и политической стабильности Германии.

Однако в этом контексте вопрос о количестве интегрируемых мигрантов является главной и судьбоносной культурологической проблемой. Решить эту политическую и культурную проблему может только государство, поскольку оно, согласно Хейзинге, придает форму той культуре, которая нам нужна.

Библиография

1. Гете И. В. Сочинения в 10-ти томах. Т. 5. М., 1977.
2. Загряжская Т. Ю. Референтные точки языка и культуры: статика и динамика // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 2. С. 61-71.
3. Милославский И.Г. «Цель» как характеристика лингвистического исследования // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 1. С. 9-23.
4. Пушкин А. С. Сочинения в 3-х томах. М., 1985. Т. 1. 385 с.
5. Саррацин Т. Германия: самоликвидация. М., 2010. 400 с.
6. Хейзинга Й. Тени Завтрашнего дня. Человек и культура. Затемненный мир. СПб., 2010. 456 с.
7. Шерр И. История всемирной литературы. СПб., 1879. Т. 1. 468 с.
8. Элиас Н. О процессе цивилизации. М., СПб., 2001. Т. 2. 382 с.
9. Freybe H. Das deutsche Haus und seine Sitte. Gütersloh, 1910.
10. Maximen und Reflexionen. Goethes Werke in 12 Bänden. Bd. 7. Berlin, 1974.
11. Kirschstein E. Die Familienzeitschrift. Scharlottenburg, 1937.
12. Riehl W. H. Die Familie. Stuttgart, 1855.
13. Scherr J. Deutsche Kultur-und-Sittengeschichte. Leipzig, 1858.
14. Steinhausen W. Geschichte der deutschen Kultur. Т. 2. Leipzig, 1929.

Multiculturalism in Germany and its Prospects of Success through a Cultural Model of Behaviour

Fatima K. Fidarova

PhD in Culturology,
Associate Professor at the Department of German language and culture,
Lomonosov Moscow State University,
119991, 1 Leninskie Gory, Moscow, Russian Federation;
e-mail: fidarova@inbox.ru

Abstract

The article is destined to define the ideals of the cultural model of behaviour for the purpose of the cultural integration of the Germany's immigrants into the German society. The attempt to build a multicultural society in Germany in which the representatives of different cultures should have lived in perfect union failed completely. However the integration of the foreigners remains one of the main political tasks for the future of Germany. Cultural model of behavior on the way toward the cultural integration of immigrants should contain exactly those severe personality requirements which the Germans impose to themselves: 'appropriate' and 'decent' (moral). 'Only what is appropriate is permitted'. Only education and upbringing can open the door to the familiarization of the immigrants with the cultural model of behavior. However the success of the cultural integration lies in the extent to which an immigrant is ready to abandon his or her cultural identity and blend into a new dimension – German cultural space. Moreover 'the new great migration of peoples' (Völkerwanderung in German) has become a setback for the unification of the different cultures in Germany. A huge stream of refugees from the East since August 2015 has been raising persistently the culturological issue on the number of people integrated in the German cultural and political space.

For citation

Fidarova F.K. (2017) Mul'tikul'turalizm v Germanii i ego perspektivy na uspekhn cherez kul'turnuyu model' povedeniya [Multiculturalism in Germany and its Prospects of Success through a Cultural Model of Behaviour]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 7 (6A), pp. 319-328.

Keywords

Multiculturalism, cultural model of behavior, social space, cultural integration, Germany.

References

1. Elias N. (2001) *O protsesse tsivilizatsii* [On the Process of Civilisation]. Moscow, St. Petersburg. Vol. 2.
2. Freybe H. (1910) *Das deutsche Haus und seine Sitte*. Gütersloh.
3. Goethe I.V. (1977) *Sochineniya v 10-ti tomakh* [Literary works in ten volumes]. Moscow. Vol. 5.
4. Huizinga J. (2010) *Teni Zavtrashnego dnya. Chelovek i kul'tura. Zatemnenyi mir* [Shadows of tomorrow. Man and culture. Darken world]. St. Petersburg.
5. Kirschstein E. (1937) *Die Familienzeitschrift*. Scharlottenburg.
6. (1974) *Maximen und Reflexionen. Goethes Werke in 12 Bänden*. Berlin. Bd. 7.
7. Miloslavskii I.G. (2017) «Tsel'» kak kharakteristika lingvisticheskogo issledovaniya [“Target” as a Characteristic of Linguistics Research]. *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Moscow State University Bulletin. Linguistics and Intercultural Communication], 1, pp. 9-23.
8. Pushkin A.S. (1985) *Sochineniya v 3-h tomakh* [Literary works in three volumes]. Moscow. Vol. 1.
9. Riehl W.H. (1855) *Die Familie*. Stuttgart.
10. Sarazzin T. (2010) *Germaniya: samolikvidatsiya* [Germany: self-destruction]. Moscow.
11. Scherr J. (1979) *Istoriya vseмирnoi literatury* [History of World Literature]. St. Petersburg. Vol. 1.
12. Scherr J. (1858) *Deutsche Kultur-und-Sittengeschichte*. Leipzig.
13. Steinhausen W. (1929) *Geschichte der deutschen Kultur*. Leipzig. Vol. 2.
14. Zagryazkina T.Yu. (2014) Referentnye tochki yazyka i kul'tury: statika i dinamika [Reference Points of Language and Culture: Statics and Dynamics]. *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Moscow State University Bulletin. Linguistics and Intercultural Communication], 2, pp. 61-71.